

DOI 10.58351/2949-2041.2025.19.2.006

УДК 902/ UDC 902

Усманов Венер Мударисович

Научный сотрудник ЦПН ИЯЛИ АН РТ им. Г. Ибрагимова, г. Казань
Vener Mudarisovich Usmanov, Research Associate IALI of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan named after G. Ibragimov, Kazan

**КЛАССИФИКАЦИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ
ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И НЕКОТОРЫЕ
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ
BULGARIAN-TATAR EPIGRAPHIC MONUMENTS AND SOME
CONTROVERSIAL PROBLEMS OF THEIR STUDY**

Аннотация: принципы классификации, выявление нерешенных проблем изучения и фиксации болгаро-татарских эпитафий; выполнение качественной фотодокументации с сопровождающими прорисовками и составление свода арабописьменных эпиграфических памятников.

Abstract: principles of classification, identification of unresolved problems in the study and fixation of Bulgarian-Tatar epitaphs; performing high-quality photographic documentation with accompanying drawings and compiling a set of Arabic epigraphic monuments.

Ключевые слова: болгаро-татарская эпиграфика, болгарский язык, «*р-язык*», общетюркский язык, прорисовки, реставрация текстов, транслитерация, палеографическо-орфографические нормы, классификация.

Keywords: Bulgarian-Tatar epigraphy, Bulgarian language, "r-language", common Turkic language, drawings, restoration of texts, transliteration, paleographic and orthographic norms, classification.

В данной статье рассматриваются эпиграфические памятники (кабрташи) Волжской Булгарии эпохи Золотой Орды [7, с.116]. Обычно, у мусульман вместо слова «*надгробие*» [6, с.71] принято использовать термин «*на (д)могильный камень*». Они являются очень ценными первоисточниками, достоверными документами без последующих добавлений и исправлений (в отличии, скажем, от рукописных книг) по истории этногенеза шимали-тюркских народов, в частности, по вопросам происхождения и географического расселения казанских татар, да и не только [35, с.2019]. Кроме этого, мемориальные памятники являются произведениями искусства, где соединяются многие виды творчества: архитектура, декор, поэзия, каллиграфия и т.п. Они, с каждым годом, по причине отрицательных природных воздействий разрушаются и исчезают безвозвратно. И поэтому, сохранение, фиксация, документирование этих артефактов становится для нас насущной потребностью [4, с.143].

В ходе нашей научной работы были проведены локальные полевые исследования на местах, изучены музейные и архивные материалы и обзор необходимой литературы по этой теме. Предыдущими исследователями эти артефакты были анализированы, по нашему мнению однобоко, не комплексно, например, с точки зрения лишь филологов, без учета палеографических или художественных характеристик или наоборот искусствоведами особо не вникая в содержание текстов и особенностей письма. Несмотря на огромную проделанную работу эпиграфистами О. Н.-А. Акчокраклы, Н. Ф. Калининим, Г. В. Юсуповым, Дж. Г. Мухаметшиним, Ф. Х. Валеевым и Ф. С. Хакимзяновим остается много нерешенных проблем в этом направлении: например, вопрос статуса болгарского (письменного и разговорного)

языка в Золотоордынский период, точность его передачи в транслитерации с элементами транскрипции, правильность прочтения некоторых лексем и личных имен, неопределенность смыслового значения ряда слов, названий и терминов и т. д. А также, при документировании: отсутствие качественных фотографий, иллюстраций и эстампажей. Зачастую многие снятые оттиски не доведены до логического конца, как обычно, в них отсутствуют осознанные тушированные изображения и тексты где четко были бы отображены палеографические тонкости арабского письма. Как известно, главным носителем информации об объекте является хорошо выполненная качественная фотосъемка со всех сторон, где имеется полноценная графическая информация о кабрташе с читабельным текстом; в исследованиях по эпиграфике игнорирование качественных фотографий, эстампов, оттисков недопустимо, так как, это все противоречит обязательным требованиям и элементарным методам научной работы; т.е. изобразительная составляющая является в этом деле преобладающей, а все остальное – дополняющей; предлагать читателям текст чтения (транслитерацию, транскрипцию) без корпуса, т.е. без фотографий эпиграфических памятников, нас – исследователей совершенно не устраивает, так как, составление каталогов и реестров, без надлежащего качества графических изображений надмогильных стел, (мы сами не замечая этого) навязываем свои варианты прочтения эпитафий как непререкаемая истина и не оставляем возможность читателям проверять правильность содержания предлагаемых лапидарных текстов.

Если вспомнить некоторые страницы из истории, в Золотой Орде, в частности, в Булгарском вилайате продолжало существовать два самостоятельных тюркских языка: международный кыпчакско-огузский (старо-татарский) и болгарский (нередко бывает так что, специалисты-тюркологи оставляют это (болгарское) направление в лингвистике вне научных интересов (видимо, по этой причине этой проблемой приходится заниматься автору этой статьи, имеющий лишь художественное образование). В этом государстве для распространения и развития огузо-кипчакского языка (по понятным причинам) было больше возможностей, а болгарский продолжал существовать, параллельно, лишь в пределах Среднего Поволжья, т.е. оба тюркских языка существовали одновременно. В течение более 100 лет пребывания Булгарской территории в составе Джучиева Улуса и вызванные с ним этно-лингвистические изменения происходят в пользу кыпчакско-огузского языка общетюркского типа. И эти явления полностью отражаются в эпитафиях XIII-XV вв. Например, некоторые болгарские слова со временем заменяются на старо-татарские: вместо болгарского слова «надмогильный памятник» или «место погребения» بلوی كُ («беләвике») употребляется старо-татарское, аналогичного значения زیارتی («зиярате») [29, с. 500].

Есть необходимость закрепления и изучения болгаро-татарских эпиграфических памятников на качественно новом уровне с хорошей фотофиксацией, без особых материальных затрат, хотя бы, используя традиционные способы выполнения прорисовок, насколько это возможно, учитывая палеографические особенности текстов, с дальнейшим составлением полного свода артефактов с последующим изданием каталогов.

Имея ввиду вышеназванные установки, в последние годы издаются книги с более качественной печатью и с обязательным наличием богатого иллюстративного материала.

Эта работа, связанная по составлению каталогов (подобно хронологическому регистру) и издание их в виде печатных книг является вполне осуществимой задачей и она, шаг за шагом продвигается: например, из сохранившихся памятников XIII-XVII в. относительно хорошо изучены; а артефакты XVIII-XX в. тоже можно осилить, акцентируясь на наиболее значимых с художественной точки зрения эпитафиях). Только, таким образом, можно их собрать в одном месте и сохранить для потомков. (Кроме всего, это наследие может быть и в электронных носителях, сейчас ведь возможностей очень много).

Словом, изучение эпиграфических памятников требует целенаправленной работы по выявлению и фиксации (определение размеров, координат, аккуратная и осторожная очистка поверхностей камня от мха и лишайников со всей поверхности и со всех сторон, где имеется какая-либо информация, связанная непосредственно с текстом или с декоративным оформлением) всех болгаро-татарских кабрташей в ходе научных экспедиций по имеющимся «адресам». Обязательное «личное знакомство» с каждой значимой с исторической и с художественной точки зрения эпитафией на местах расположения.

Если камень частично «ушел в землю» то, в этом случае, необходимо аккуратно выкопать эпитафию для фотофиксации с последующей расшифровкой всего сохранившегося текста. Надо подчеркнуть, артефакты-эпитафии в процессе фиксации требуют особого внимания и бережного отношения: при очистке от следов биодеструкций требуется старание, аккуратность и предоставление необходимого времени – столько, сколько необходимо. «Обычно эти памятники, если раньше кем-нибудь не очищались с целью прочтения, бывают покрыты сплошным слоем разъедающего камень лишайника; с ними приходится долго возиться, отмачивая горячей водой с мыльной пеной и очищая травяной щеткой. Только такой тщательной очистки удастся удовлетворительно разобраться в некоторых надписях» [25, с.145-172].

При очистке и чтении текста важна любая маленькая деталь: элементы букв, огласовки, точки и т.п. А, по-другому, никак. Это первооснова! Без такого подхода к работе не может быть никакого серьезного исследования с последующим выполнением прорисовки.

В ходе эпиграфических исследований лишь в середине и второй половине XX в., после Н.Ф. Калинина была проведена корректировка классификации памятников времен Золотой Орды, чуть позднее, с некоторыми дополнениями Г. В. Юсуповым и Ф. Хакимзяновым [20, с.132] были разделены на две группы по языку, размерам и стилю оформлений. В ходе дальнейших исследований Дж. Мухаметшин осуществляет классификацию **болгаро-татарских эпиграфических памятников** на четыре группы по географическому принципу подчиняя к нему остальные: 1) болгарский, 2) кирмень-джукетауский, 3) восточный и 4) северный округа.

Мы предлагаем следующую классификацию (типологизацию):

1 тип – эпитафии созданные в мастерских г. Болгар. Этого типа эпитафии находятся в разных географических зонах: на современной территории Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Ульяновской обл. и в г. Казани [13, с.240]. (Не исключается существование отдельных мастерских по изготовлению надмогильных памятников в г. Казани в этот период, тесно связанной с Болгаром). Эпитафии г. Болгара отличаются высоким художественным уровнем исполнения, в особенности принадлежащие правящему классу общества. Видимо, в главном городе Булгарского вилаята существовала не одна, а, несколько мастерских, работающих по цеховому принципу.

В свою очередь, 1-ый тип можно разделить на следующие подтипы:

а) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара почерком бегущий сульс (или насх) рельефным способом на арабском языке принадлежащие правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа (рисунок 1);

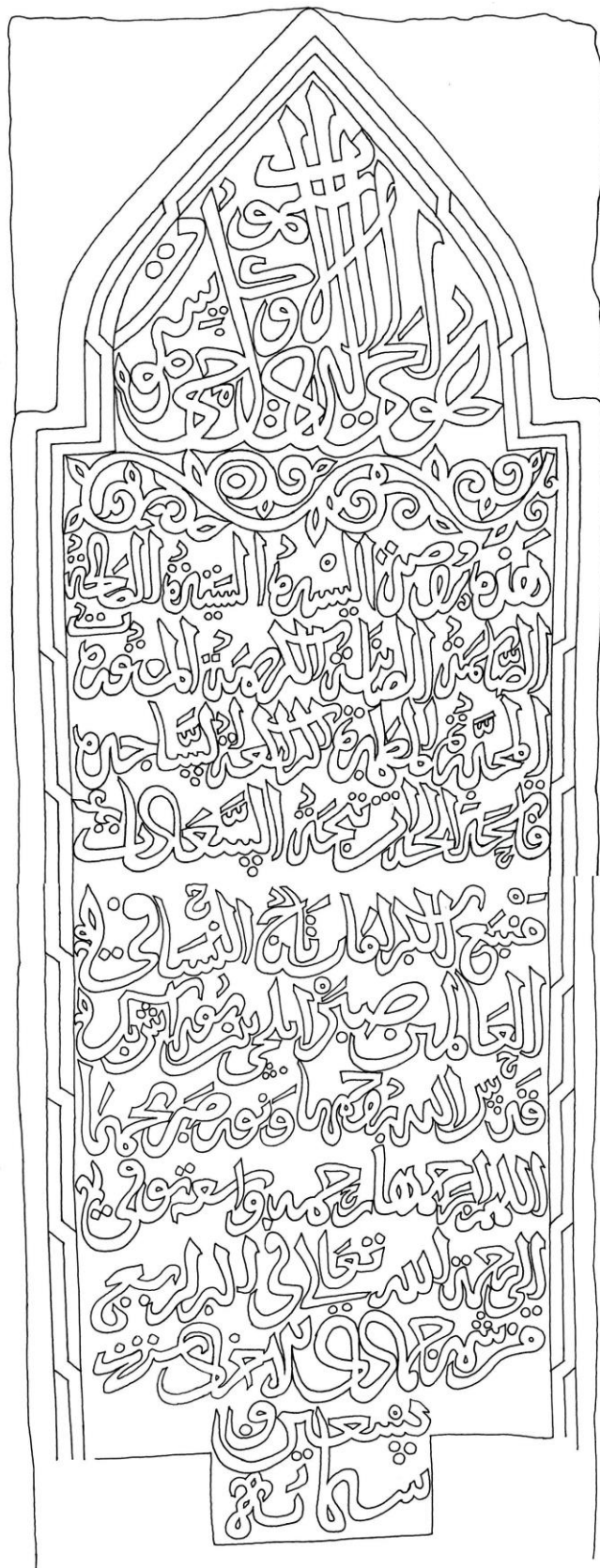

Рис.1. Эпиграфический памятник Сабар-Илчи, дочери Бураш-бека, 1291 г.
(г. Казань, Республика Татарстан).

Fig.1. Epigraphic monument of Sabar-Ilchi, daughter of Burash beg, 1291 (Kazan, Republic of Tatarstan).

б) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным почерком бегущий сульс (или насх) на арабском и татарском языках принадлежащих правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа; Как правило, эпитафии на этих памятниках написаны на арабском и на литературном старо-татарском языке кипчакско-огузского типа («татарским письмом») [28, с.773], который часто идентифицируется с («чагатайским») тюрки. Следует подчеркнуть, здесь нельзя противопоставлять поволжский тюркский (старотатарский литературный) язык со среднеазиатским, «чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот» [5, с.121]. Что касается староузбекских эпиграфических памятников, то они, вероятно, после эпохи великого Алишера Навои (преимущественно) выполнялись уже не на тюркском (староузбекском), а на персидском и арабском языках [5, с.7].

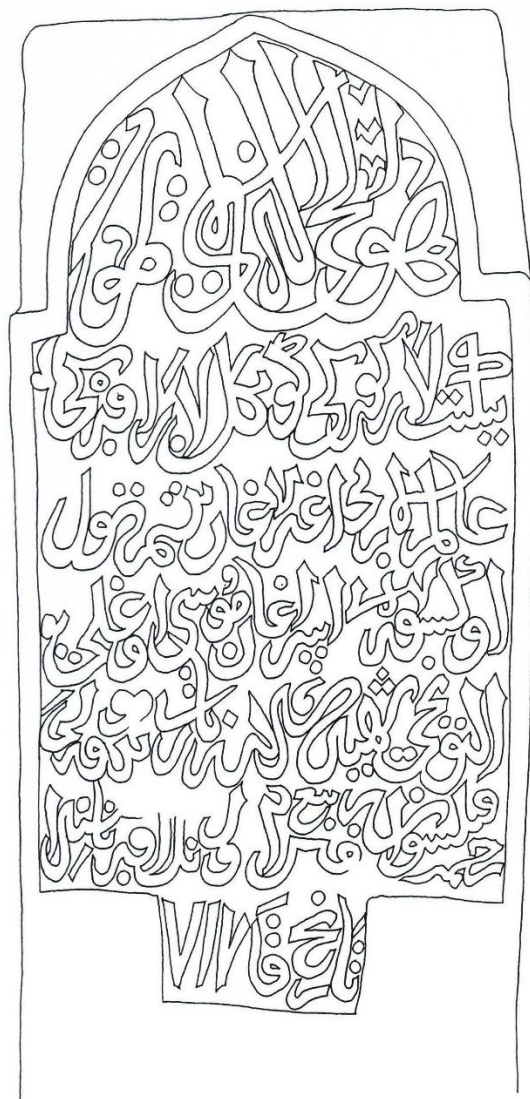

Рис.2. Эпиграфический памятник Шахидуллы, сына Мусы, 1317/1318 гг.
(г. Болгар, Республика Татарстан).

Fig.2. Epigraphic monument of Shahidullah, son of Musa, 1317/1318. (Bolgar, Republic of Tatarstan).

в) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара в сочетании с рельефным почерком бегущий сульс (насх) и рельефный куфи на арабском, татарском и болгарском языках принадлежащих правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа (рисунки 3, 4);

Рис.3. Эпиграфический памятник Шекер-илчи, дочери Османа Булгарского.
(с. Татарское Шапкино Алькеевского района Республики Татарстан).
Fig.3. Epigraphic monument of Sheker-ilchi, daughter of Osman of Bulgaria.
(Tatarskoye Shapkinoye village, Alkeevsky district of the Republic of Tatarstan).

Рис.4. Эпиграфический памятник Джак-ар-Алти
(село Татарское Шапкино Алькеевского района Республики Татарстан)

Fig.4. The epigraphic monument of Djakar Altı
(Tatarskoye Shapkiно village of the Alkeevsky district of the Republic of Tatarstan)

г) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара почерком рельефным куфи на арабском и болгарском языках принадлежащих среднему классу; (видимо, с принятием ислама для тюрко-болгарского языка и в последующие столетия традиционно использовался куфи («бозык куфи»), хотя куфический вид письма сами арабы избавились уже в IX веке [1, с.392], (рисунок 5);

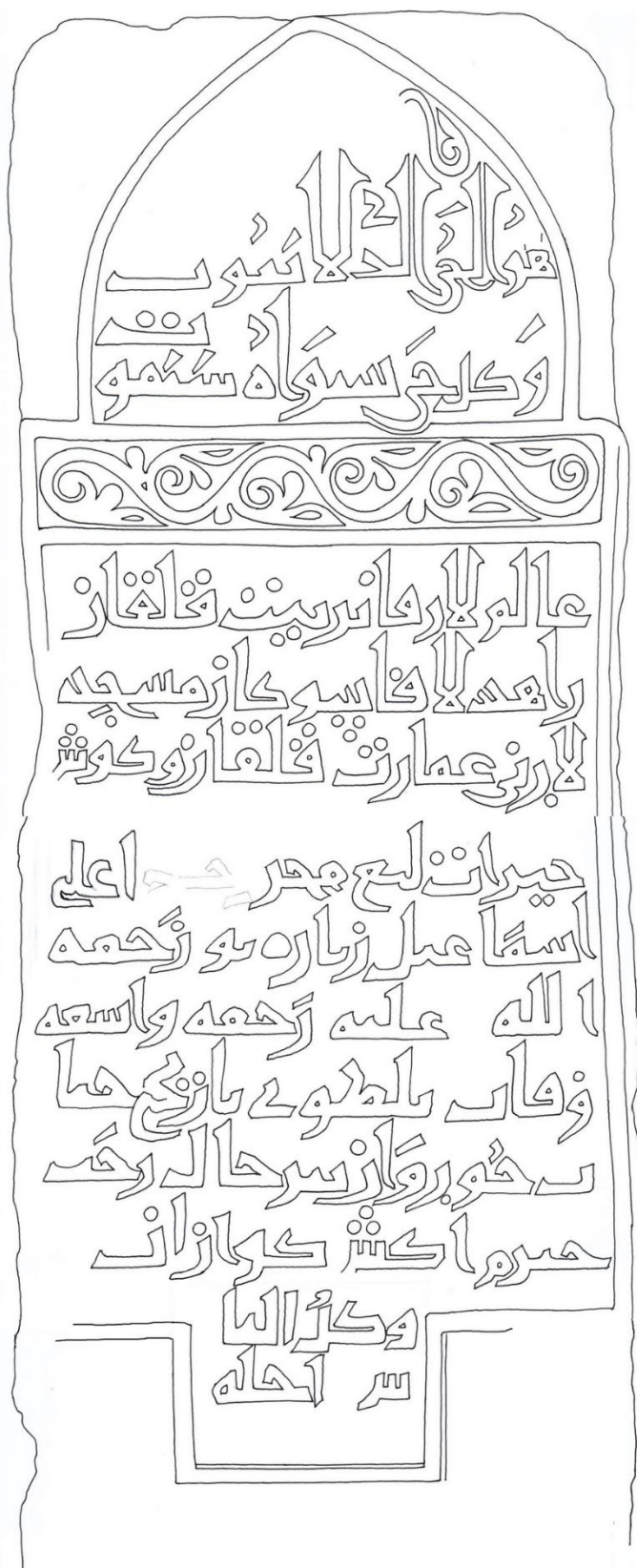

Рис.5. Эпиграфический памятник Исмагила, сына Маджара, 1311/1312 гг.
(с. г. Чистополь, Республики Татарстан).
Fig.5. Epigraphic monument of Ismagil, son of Majar, 1311/1312
(village of Chistopol, Republic of Tatarstan).

д) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным куфи и врезанным куфи на арабском и татарском языках (рисунок 6);

Рис.6. Эпиграфический памятник Ар-Ходжи, сына Йуркуча.
(с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области).
Fig.6. Epigraphic monument to Ar-Khoja, the son of Yurkuch.
(Tatarsky Kalmayur village, Cherdaklinsky district, Ulyanovsk region).

е) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара врезанным почерком куфи на арабском и болгарском языках (рисунок 7);

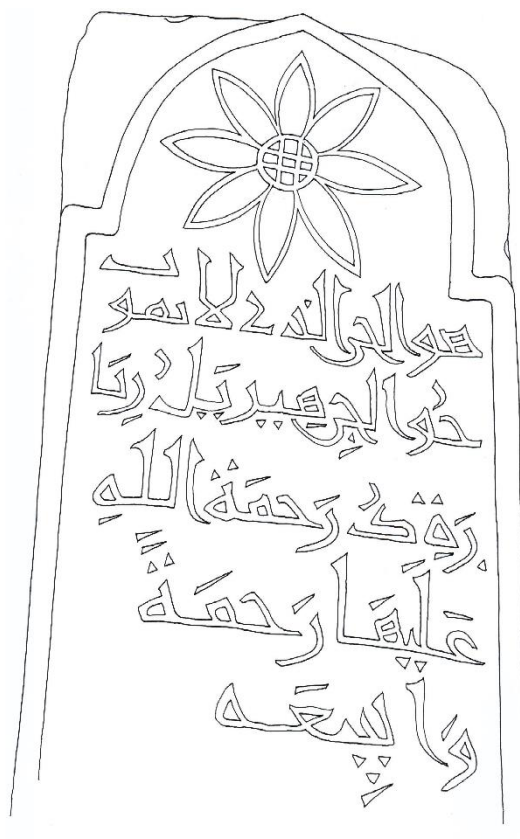

Рис.7. Эпиграфический памятник Йалу, дочери Хуалджи.
(с. Чувашская Елтань Чистопольского района Республики Татарстан).
Fig.7. Epigraphic monument to Yalu, daughter of Hualji.
(village of Chuvash Eltan, Chistopolsky district of the Republic of Tatarstan).

ж) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным почерком куфи и
врезанным почерком насх на арабском и татарском языках (рисунок 8);

الساعة آتية لا ريب فيها وأن الله
[يبعث من في القبور]

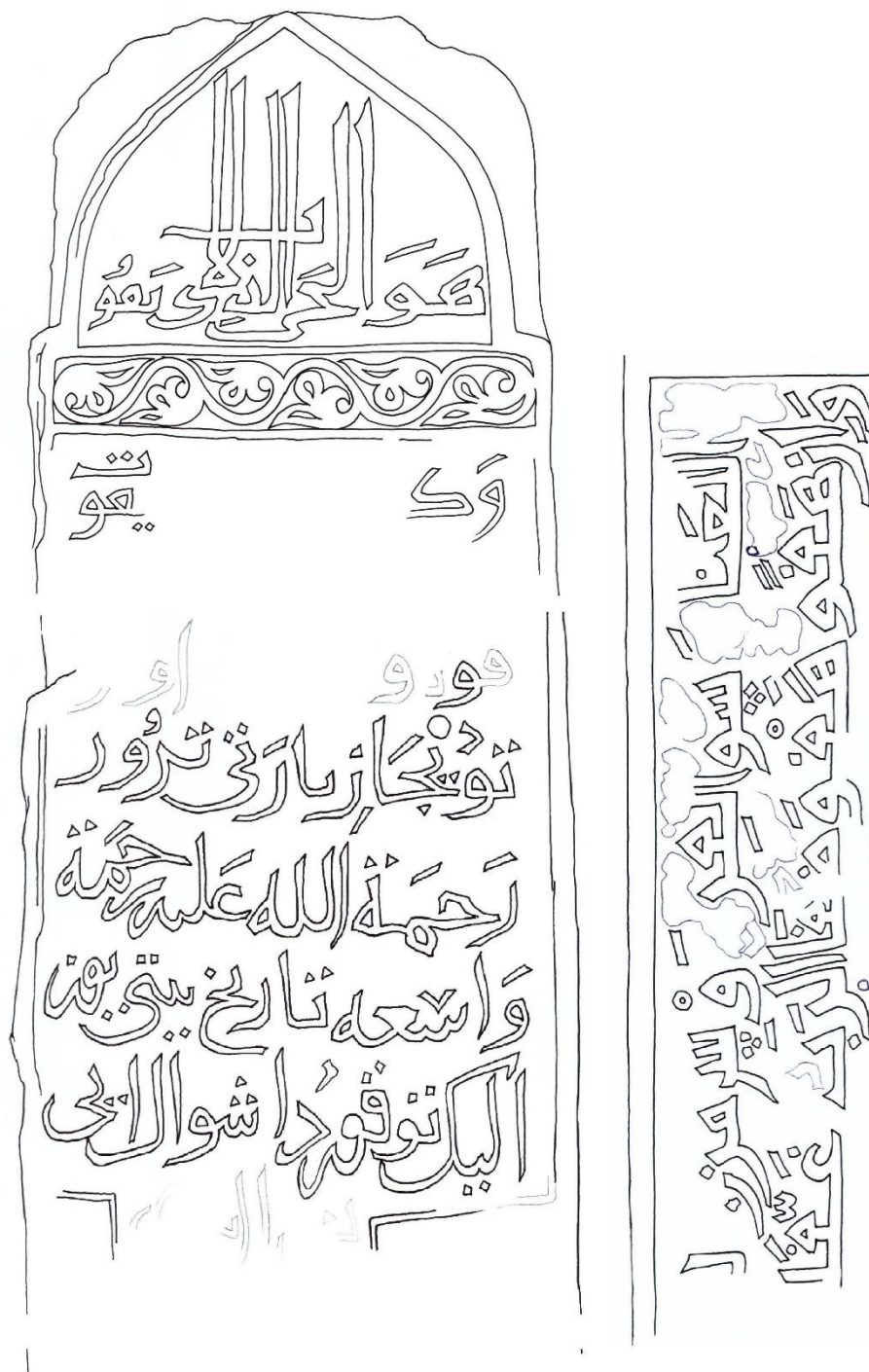

Рис.8. Эпиграфический памятник Туйджи, сына Кутлуга, 1358 г.
(с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области).
Fig.8. Epigraphic monument of Tuigi, son of Kutlug, 1358
(village of Tatarsky Kalmayur, Cherdaklinsky district, Ulyanovsk region).

з) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара врезанным почерком насх на арабском
и татарском языках (рисунок 9);

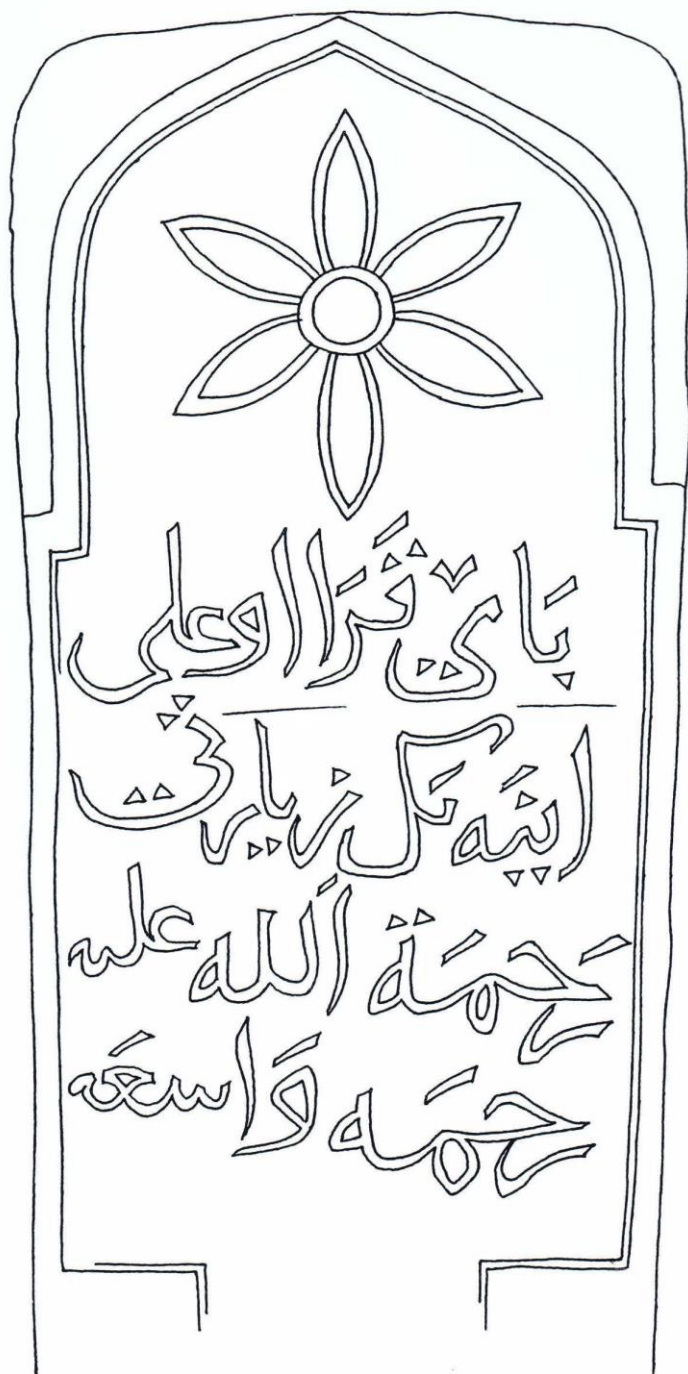

Рис.9. Эпиграфический памятник Инабека, сына Байкары.
(с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области).
Fig.9. Epigraphic monument of Inabek, the son of Baykara.
(Tatarsky Kalmayur village, Cherdaklinsky district, Ulyanovsk region).

2 тип – эпитафии созданные в кирмен-джукетауском округе.

Этой группы «провинциальные» кабрташи отличаются меньшим количеством, ниже уровнем исполнения, лаконичностью, а также, по особенностям типажа, размеров, пропорций и стиля;

а) эпитафии изготовленные рельефным простым почерком куфи на арабском, болгарском и старотатарском языках в мастерских Биляра, Джукетау (тат.: *Жүкәтау*) и Кирмени и примыкающим к этим городам населенных пунктов; эти памятники приземистые, с пологими арками и отличаются большей шириной [27, с.282] (рисунок 10);

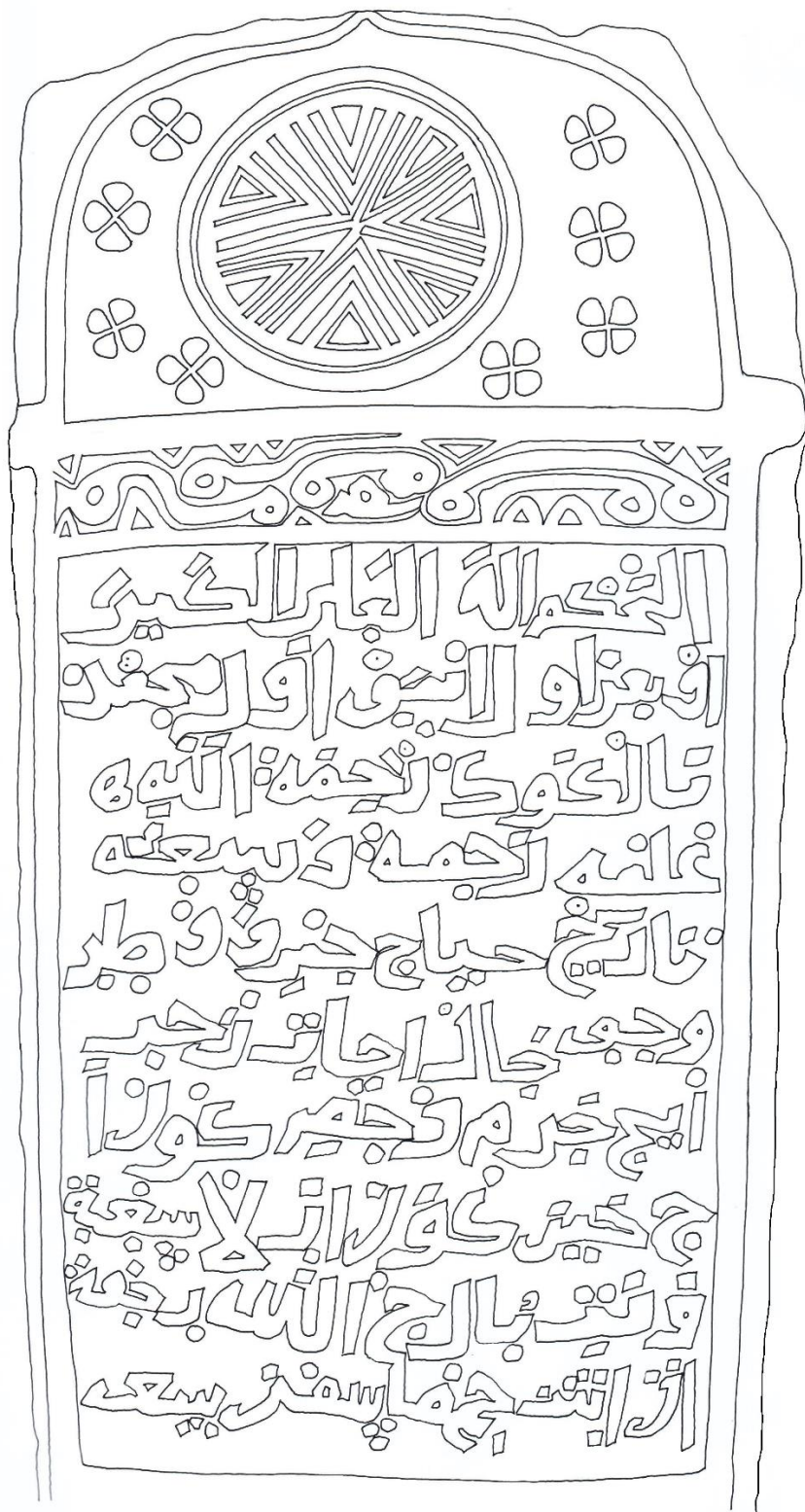

Рис.10. Эпиграфический памятник Мухаммада, сына Йусуфа, 1333 г.
(с. Ст. Ромашкино Чистопольского района Республики Татарстан).
Fig.10. Epigraphic monument of Muhammad, son of Yusuf, 1333
(Romashkino village, Chistopolsky district of the Republic of Tatarstan).

б) эпитафии созданные врезанными почерками куфи и насх на арабском, болгарском и старотатарском языках в мастерских Биляра, Джукетау и Кирмени и примыкающим к этим городам населенных пунктов;

3 тип – эпитафии созданные почерком врезанный насх в провинциальных округах.

а) эпитафии созданные почерком насх на арабском и татарском языках на современной территории Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Кировской и Ульяновской областях разными разрозненными резчиками письма по камню, в хронологическом отрезке – с конца XIII до середины XV вв; следует заметить, как обычно, каждый «провинциальный» кاتب обладал только ему присущим индивидуальным исполнением композиции упрощенного типа отличающийся от других, т.е. локальными вариантами некаллиграфического письма (рисунок 11);

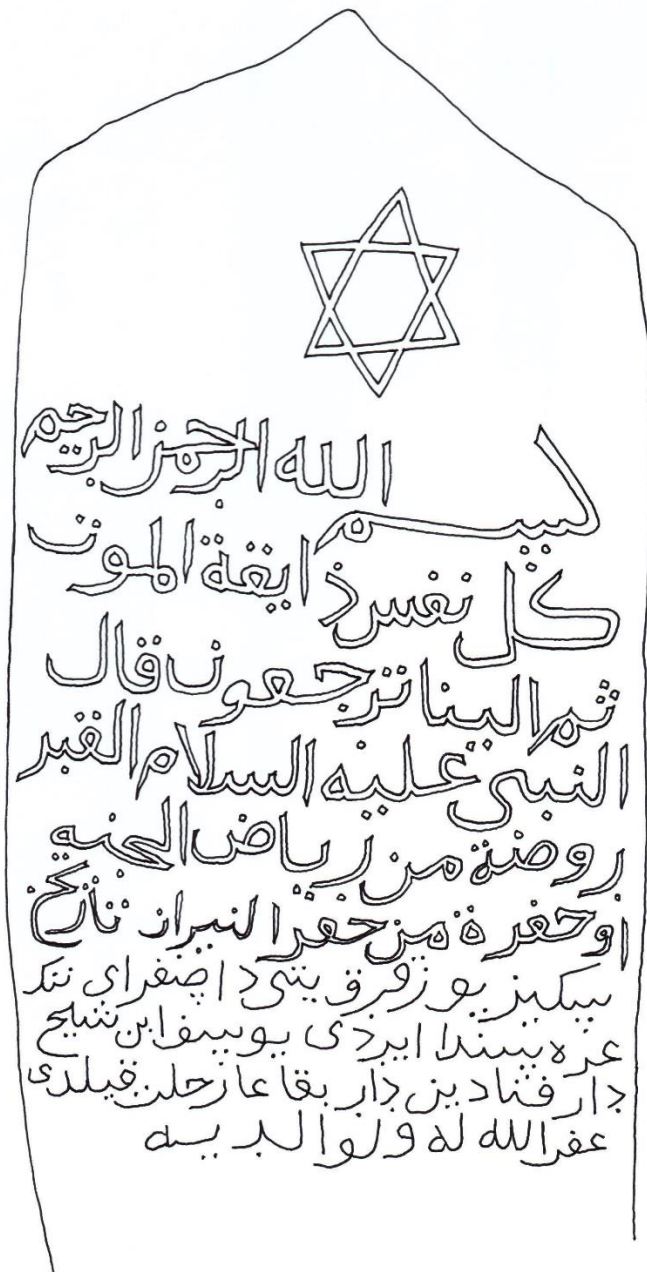

Рис.11. Эпиграфический памятник Йусуфу, сыну Шеиха, 1443 г.
(с. Большие Нырси Тюлячинского района Республики Татарстан).
Fig.11. Epigraphic monument to Yusuf, son of Sheik, 1443
(Bolshye Nyrsi village, Tyulyachinsky district of the Republic of Tatarstan).

б) эпитафии созданные почерком насх на арабском и болгарском языках (в течение 100 лет до середины XV вв.) на более отдаленных территориях от основных городов разными местными резчиками письма по камню и несоответствующие высокому каллиграфическому искусству (рисунок 12);

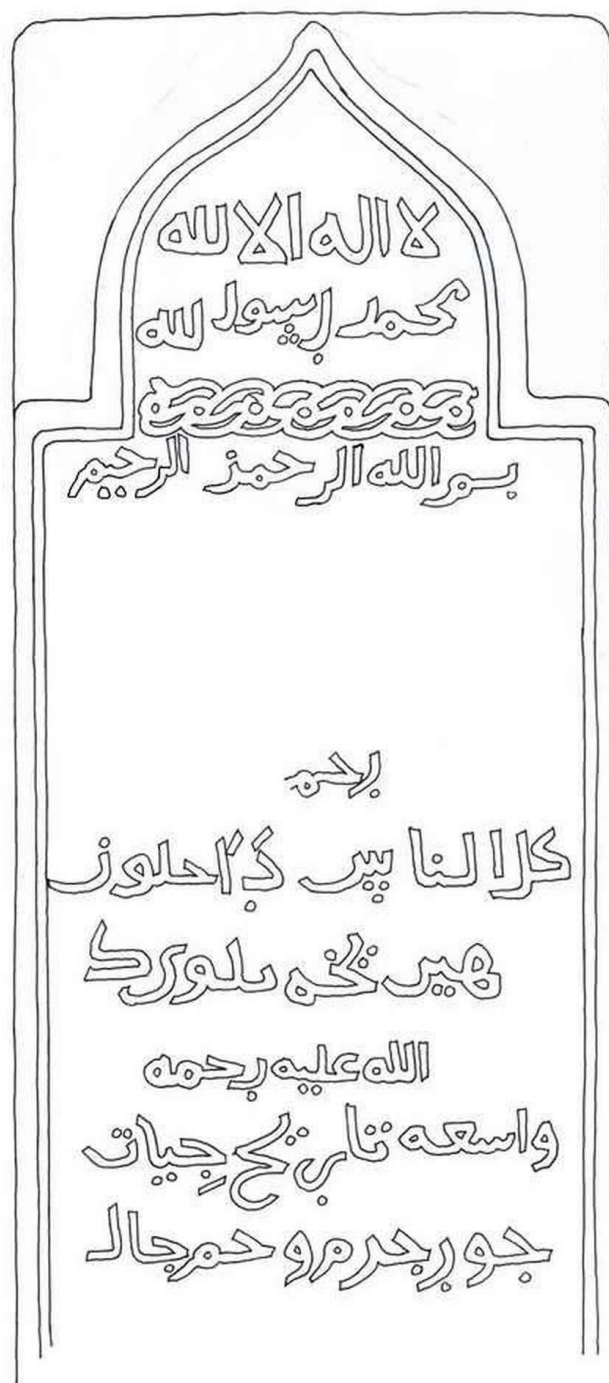

Рис.12. Эпиграфический памятник, 1323 г.
(п. Гордино, Белезинский район Удмуртской Республики).
Fig.12. Epigraphic monument, 1323
(Gordino village, Belezinsky district of the Udmurt Republic).

Предположения некоторых ученых-филологов в виде утверждения: «Язык же волжско-булгарских памятников лишь в Среднем Поволжье стал функционировать в качестве особого языка надмогильных плит» [32, с.206] считаем неприемлемым, так как, болгарские слова текстов эпитафий «*р-язык*» а являлись широко употребляемыми на данной территории в тот период, если, было бы не так, то они вообще не использовались бы в эпиграфике. То есть, в золотоордынский период болгарский «*р-язык*» с разными диалектическими особенностями не был мертвым или архаичным «протоболгарским» языком [2, с.99-119], а, продолжал существовать параллельно с «кыпчакско-огузским» (старо-татарским) литературным языком.

На этом родственном «*р-язык*»е (т.е. на городском койне), очевидно, создавались небольшие литературные и художественные произведения, составлялись документы, переписывались сотни и тысячи книг в рамках Булгарского вилаята, несмотря на скромные и не совсем до конца сложившиеся местные письменные традиции [21, с.128]. И об этом говорят и доказывают факты существования многочисленных исторических документов «каменных архивов» в виде эпитафий до второй половины XIV века. В историографии впервые болгаро-татарские эпитафические памятники были классифицированы Н.Ф. Калининым на две группы (стиля) по языковому принципу: 1) кипчакско-огузский (общетюркского типа), 2) болгарский («*р-язык*»). Более 70% этого письменного наследия выполнялись на этом языке, а зафиксированный последний кабрташ на «протоболгарском» с указанием даты относится к 1360 году. Если бы, у болгарских катибов живших в XIII-XIV вв. отсутствовала практика переписывания книг с особенностями орфографии на местном языке, то и не было бы и болгарских эпитафий – это аксиома! **Логически рассуждая об этом, по фактическим материалам: как раз в золотоордынский период в Среднем Поволжье получает дальнейшее бурное развитие болгарская эпитафика на разных (болгарском, старотатарском и арабском) языках.** Но, однако, следует подчеркнуть то, что в пределах Среднего Поволжья для локального болгарского языка в «изолированном» от мировых языков не было тех условий и возможностей для развития и создания крупных литературных поэтических произведений, например, коим является «Кыйссаи-Юсуф» Кул Гали. Необходимо отметить интересные заключения некоторых современных среднеазиатских, крымских и азербайджанских специалистов (Бабура Аминова, Мемедуллы Усеинова, Мешадиханум Неймат): из созданных эпитафий во времена существования Джучиева Улуса текстов написанных на общетюркском языке на современной территории Узбекистана, Крыма и Азербайджана составляет от общего количества от 1 до 5 %. Данных по Юго-Западной Азии у нас нет достоверных сведений, а по Среднему Поволжью использование болгарских и «чагатайских», помимо текстов на чисто арабском языке, эта цифра составляет значительное количество – до 85 %. Но, эти сведения никоим образом не уменьшают и не отрицают роли огромного и основного кипчакско-огузского влияния этих регионов на возникновение и становление болгаро-татарской эпитафики. Как видим, в истории могут быть и такие несоответствия.

По нашему мнению, именно, практикующие местные переписчики книг (катибы, хаттаты), архитекторы, ювелиры, а также, многие владеющие грамотой мастера различных ремесел занимались этим видом искусства и отражали в своих работах живой разговорный и литературный болгарский язык. Как раз, написанные пером формы и линии арабских букв на бумаге, автоматически, почти без изменений, переходили на поверхность камня с помощью резца. В этом деле мягкий местный известняк являлся одним из самых приемлемых материалов для передачи красоты каллиграфического декора. Здесь, необходимо отметить еще одну интересную мысль: очевидно, из тех текстов эпитафий «*р-языка*»¹ что создавались в болгарских городских центрах выполнялись на «наддиалектном койне», а в населенных пунктах, отдаленных от культурных столиц, тексты эпитафий производились на разных диалектах местного тюрко-болгарского языка отражавшие живой разговорный язык. «Волжско-булгарский «*р-язык*» (в лингвистике используется также термин среднебулгарский язык) был распространён в Волжской Булгарии и в Булгарском улусе Золотой Орды. Одним из его прямых продолжателей является чувашский язык. Известен по написанным арабской графикой эпитафиям XIII–XIV вв». URL [https://ru.wikipedia.org/wiki/Булгарский_язык#:~:text=Волжско-булгарский%20р-язык%20\(в%20лингвистике%20используется,языках%20народов%20Поволжья%20и%20Предуралья\(дата%20обращения:14.01.2025\).](https://ru.wikipedia.org/wiki/Булгарский_язык#:~:text=Волжско-булгарский%20р-язык%20(в%20лингвистике%20используется,языках%20народов%20Поволжья%20и%20Предуралья(дата%20обращения:14.01.2025).) Конечно же, при приспособлении арабского алфавита к нуждам болгарского языка учитывались общетюркские (в том числе, древнеуйгурские, хорезмские, «чагатайские» и т.п.), персидские и арабские многовековые традиции письменной культуры.

По утверждению М. Ахметзянова, анализ так называемых "булгарских" текстов показывает ход интенсивного исчезновения болгарского языка, начиная с конца XIII в [2, с.99-119]. Из вышесказанных слов М. Ахметзянова, необходимо сделать некоторые поправки и уточнения: по нашему мнению, сохранившиеся эпитафии показывают ход **интенсивного исчезновения болгарского языка, начинается не с конца XIII в., а (ориентировочно) с середины XIV в. Т.е., Болгарский народ со своим провинциальным тюрко-болгарским языком в составе Золотой Орды, (а потом, Казанского ханства) плавно переходил в кыпчакско-огузский (старотатарский) язык; другими словами – они в течение 300 сот лет, по существу, полностью подверглись ассимиляции [3, с.13], т.е. произошел процесс татаризации [29, с.352], избегая потомков современных чуваш [3, с.12]. Однако, и в середине XVI века некоторые отатарившиеся деятели культуры Казанского ханства (в частности, поэт Мухамедьяр) писали свои художественные произведения на тюрко-татарском языке, но в то же время, не признавали себя татарами и продолжали негативно относиться к названию этнонима «татар».**

Исчезновение изготовления эпитафических памятников на болгарском языке в XV в. нельзя наивно объяснять вымиранием специалистов-оформителей каменных плит [32, с.206].

Здесь необходимо добавить и о некоторых сомнительных версиях объяснения присутствия элементов языка «чувашского» типа на языке эпитафий (2-го стиля). «Такое влияние стало возможным, по-видимому, только из-за того, что мастерами-изготовителями надгробных камней служили чуваша (суасламари), которые, будучи мусульманами, затем ассимилировались среди обычно тюркоязычных болгар» [12, с.496]. А также, надобно подчеркнуть еще одну мысль, связанная с фактом присутствия «чувашизмов» [32, с.16] в болгаро-татарской эпитафике: современный этнос – чуваша, конечно же, к этим мусульманским артефактам имеют определенное отношение, так как оба этих родственных этноса имеют общие тюрко-болгарские корни, этот факт никто не может отрицать. Но, однако, если бы современные чуваша являлись прямыми и единственными потомками волжских болгар, то они назывались бы булгарами и исповедовали бы ислам [29, с.352]. В любом случае, сохранившиеся мусульманские эпитафические памятники на арабской графике являются общим культурным достоянием тюркоязычных народов Поволжья, в том числе и чуваша.

Сторонники «протоболгарского» языка [28, с. 15] в противовес вышесказанной мысли ставят вопрос: «Если существовал болгарский язык в период Золотой Орды, где же оставшиеся от этого народа литературные произведения, рукописные книги и другие нарративные источники? А ведь, кроме определенного набора слов, в артефактах нигде не отражается живой разговорный язык или литературный, хотя бы, в виде, нескольких предложений» – говорят они. В тот период, из-за не перспективности конкурировать с мировым общетюркским языком, действительно болгарский язык сдал свои позиции и окончательно сошел с исторической арены. В научных трудах из-за отсутствия более-менее полных лапидарных текстов на тюрко-болгарском языке, кроме эпитафийной составляющей, многие вопросы в этой области остаются не решенными.

Для дальнейшего исследования материалов в этом направлении, к лексическому фонду «р» языка можно было бы добавить тюрко-болгарские слова – собственные (языческие) имена и прозвища погребенных, зафиксированных на эпитафических памятниках, например: *بوپس Будас, بلدس Балдас, جماراو Жамарәу, مَجَك Мәжәкә, اِرْجُو Эржәу, اَيُو Әйү, يَحَم Йәхәм, رَقِيَاج Рәкыяж, اِعْمَش Әгмәш, اِيْنِج Исүх, اَيْنُوك Инүк, حُوَالَجِي Хуәләжи, يَلْ Йәләү, حَرْمَائِس Хармаиш, اِحج Әхәж, يَآك Йәкә, بَلْتُك Бәлтүк, حَجَمَ Хәжәмә, اَوْجِيح Уәжих, اَنْزَج Әнрәч, اَوْرَان Әүрән, وَرْمُ Вөрүм, مَوْحَشُو Бәнән Мухшу Бәсан, اَلْمُشَاك Әлмүшәк, حَوْم بَارِجَنَك Хум Бәржәнәк, اَلْقَيْس Әлкыйс, جُوْلُ Жүлү, كَمَك Кәмкү, يُوْلُ Йүвәлү, بَلْحَس Балхәс, مُوْحِشِن Мухшу, رَمَك Рәмәк, يَلْبَه Йәлбәһ, اَسْنَابَا اسناба Суярли, تَطَاЙ Тотай, и т.д. Вполне вероятно, что многие из них, как и тюрко-татарские имена, имеют определенные смысловые значения как, например: *Тәңребирде, Тимербәк, Узбәк, Сатылмыш, Биктимер, Улмәс, Алтынбай, Көмешбикә, Айбикә, и т.д.* Таким образом, есть возможность дальнейшего воссоздания хотя бы некоторых слов тюрко-болгарского языка.*

Хаттаты-резчики «р-язык»а были достаточно знакомы с аббасидскими орфографическими традициями, находившее широкое применение в письменной практике. В связи с этим, остаются вопросы для конкретного объяснения, связанные с использованием некоторых буквенных символов с применением точек под буквами локального характера (например: ر د ص ط یں ع و (или одна точка над буквой و)). До ознакомления с трудами известных российских востоковедов [22, с.338]., мы предполагали что, эти дополнительные точки под вышеуказанными буквами, каким то образом, были привязаны к особенностям орфографии персидского, древнетюркского (в частности, болгарского) языков. Но, однако, на этот вопрос, до сих пор не было ясного ответа от тюркологов. Стоит заметить, применение точек под некоторыми арабскими буквами, мы встречаем на определенных образцах эпитафий (кайраков) эпохи караханидов. Эти добавочные точки под буквами, известный специалист исторического источниковедения, В.Н. Настич называет факультативной диакритикой. Присутствие точек под буквами он объясняет таким образом: вышеуказанные буквы, имевшие в куфическом письме без точек одинаковое очертание различались друг от друга лишь при помощи дополнительных значков, в виде точек под буквами. В дальнейшем, при переходе к другим разновидностям арабского письма, эти лишние обозначения выходят из употребления в связи с ненужностью.

При изучении эпитафических памятников Поволжья времен Золотой Орды, как было сказано выше, исследователями-предшественниками производилась классификация эпитафий и по внешним признакам: учитывая стиль, далее язык, оформление, орнаментика и другие особенности памятника [20, с.132].

Пример разбора некоторых (типологически и по языковому принципу близких) «высокого стиля» эпитафических памятников написанных каллиграфическим почерком сульс на арабском и на условном старотатарском («чагатайском») языках на образцах эпитафий г. Болгара – принадлежащих [Сафар]-Малике предполагаемый вариант прочтения: Шамар-Маликэ.) и Хусейн-беку (находящийся на кладбище близ железнодорожной станции Чишмы в Башкортостане). Очевидно, оба этих памятника изготовлены одним и тем же мастером-резчиком из г. Болгара. Вполне вероятно, что обе стелы имели одинаковые формы. По внешнему и стилистическому оформлению обе надписи однотипны, вводные и благожелательные тексты однообразны. В обеих памятниках в навершии располагалось изображение выямчатой килевидной арки с плечиками (эта часть памятника называется тимпаном или по С. Вахиди – именуется «*михрабом*»), где расположены одинаковые коранические формулы [8, с.308].

Вероятно, текст изначально был написан катибом с помощью тростникового пера скорописным почерком «бегущий» сульс по бумажному эскизу, а уже потом, мастер выполнил резцом точную копию композиции на камне в рельефной технике.

Текст написан уверенной рукой резчика и хаттата (каллиграфа) в одном лице, который обладал хорошими знаниями, навыками и чувством художественного вкуса. Как правило, такие мастера имели опыт работы в различных сферах творчества: в ювелирном деле, в книжном искусстве, в каллиграфии, в деревообработке и т.п. Строки отделены между собой пустой полосой, что создает определенный порядок.

Современному зрителю (включая специалистов в области текстологии) трудно быстро прочитать или расшифровать этот каллиграфический текст XIV века, так как, витиеватые слова и буквы переплетенные друг с другом воспринимаются нами как криптограмма. Не обладающим достаточным опытом выполнения транслитерации современным специалистам-кодологам такого рода эпитафии расцениваются как трудно читаемыми. Так как, многие буквы написаны с «нарушением» правил арабской орфографии с индивидуальными приемами письма резчиков-катибов. Поэтому, некоторые слова прочитаны предшественниками или современниками с ошибками [Дәүләтшин 2021: 246]. Например: *الاوركانجی* *ал-Үргәнчи* (рисунок 13)

Рис.13. Фрагмент эпиграфической надписи.
Illustrations (drawings, photographs)

преподносился как *ал-Африкенджи* [21, с.119]. Если проделать палеографический анализ: в данном случае первая буква *алиф* изображается («неправильно») в виде отростка соединенная в наверху с буквой *лям*. Далее, *вау* без отрыва пера (каляма), как в скорописи, соединяется с *ра*, что противоречит элементарным правилам орфографии. Естественно, в прошлые века, прекрасно осведомленные в арабской графике ученые мужи, без никаких проблем, могли правильно прочесть эти слова. При транслитерации имени погребенной тоже могут быть разночтения: *الشَّرِيفَةُ سَفَارُ مَلِكِ* *аш-шарифат Сэфар-Маликэ* или по Д. Мухаметшину: *الشَّرِيفَةُ شَمْرُ مَلِكِ* *аш-шарифат Шамар-Малика*.

То есть, по ходу чтения ошибки могут быть, от этого никто не застрахован. Взаимные исправления – это нормальный процесс работы. Заметьте, устранять недочеты или неточности первопроходцев или предшественников на много проще. Как бы там не было, допущенные ошибки и несоответствия следует вовремя исправлять, чтобы такого рода упущения не переключивались из одного научного издания в другое.

На лицевых частях обеих эпитафий тексты написаны на арабском, а на боковых – часто используемые двустишия на «тюрко-чагатайском» языке (рисунки 14 а, б):

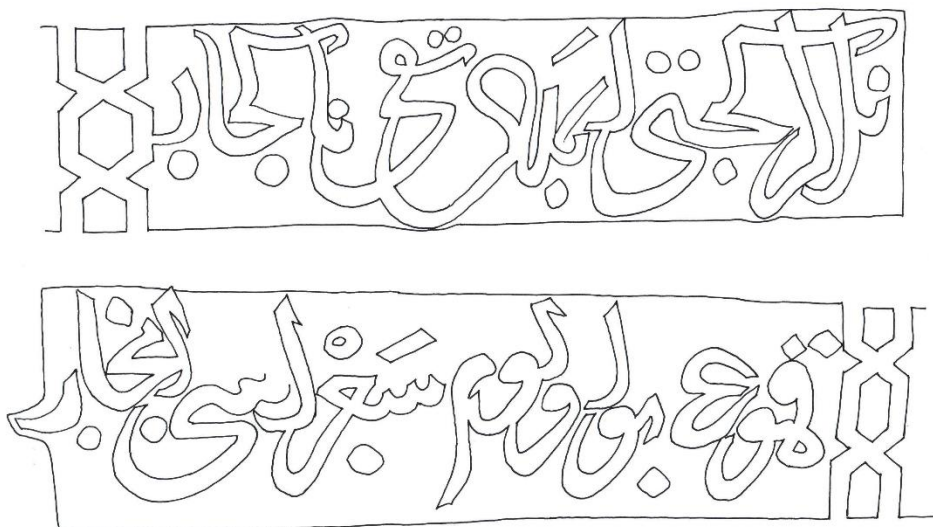

Рис.14 (а). Эпиграфический памятник (надписи на правой боковой стороне).
Fig.14 (a). Epigraphic monument (inscriptions on the right side).

Рис.14 (б). Эпиграфический памятник (надписи на левой боковой стороне).
Fig.14 (b). Epigraphic monument (inscriptions on the left side).

نلار كچتى ابلاى تقى نا كچار
قموع بو اولوم سغرا ايجار

Транслитерация:

[Ниләр кичте эбэлэй тэкий нэ кичэр, камуг үлем сэгърасы ичэр].

[ثعوعلى كوزر سن قموع اولكوسى].
[جيجك قلسنكيز لاز قموع پئولغوسى].

Транслитерация:

[Тугуглы күрерсән камуг өлгүсе, чичэк кылсаңызлар камуг сулгусы].

Выше приведенные слова пока остаются не прочитанным до конца. Видимо, эти сихотворные строки являются одним из свободных переводов какого-то, часто встечающегося в кабрташах, произведения неизвестного нам классика арабской литературы, который, со временем превратился в образцовый шаблонный вид. Кроме этого, как правило, могут быть и варианты этого двустипия перевода с персидского языка или мистический текст принадлежащий перу знаменитого суфийского поэта Ахмеда Ясави [9, с.400]. Таких нерешенных значимых задач в болгаро-татарской эпиграфике предостаточно, например, один из них – неопределенность точного имени погребенного на территории Казанского городища в Казани [33, с.392] (Архиерейской дачи) или другое слово حوم («хум») которому до сих пор не имеется конкретного объяснения языковедами [29, с.138].

Болгаро-татарские эпиграфические памятники, изготавливались из местного известняка. Одним из главных факторов появления традиции установления надмогильных стел является наличие легко обрабатываемого камня на территории Среднего Поволжья (как правило, они создавались из местного известняка или песчаника).

Итак, благодаря исследованиям предшественников были установлены временные рамки распространения болгарских эпитафий в Среднем Поволжье; с середины XIII по XV вв. с очевидным преобладанием кабрташей в 1320-1340 гг.

Изучение мусульманских татарских эпиграфических памятников в России имеет трехсотлетнюю историю. Эта важная работа связана с именами многих (более 40) представителей культуры и науки: (религиозных деятелей, историков, лингвистов, востоковедов, искусствоведов, краеведов) начиная с ахуна Кадыр-Мухаммеда Сунчалеева до молодого эпиграфиста А.М. Гайнетдинова [16, с.41–48]. Среди них необходимо особо отметить огромную работу выдающихся ученых И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, Б. Н.

Засыпкина, У. А. Боданинского, О.-Н. А. Акчокраклы, П.И. Голландского, Н. П. Эрста, Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова, Д. Мухаметшина, Ф. Хакимзянова и, конечно же, Х. Фаизханова, который подобрал ключ для расшифровки болгарских эпитафий [29, с.352].

Разумеется, в результате многолетних исследований по этой теме, о болгаро-татарских эпитафиях написано очень много книг и сотни статей. И пользуясь случаем, хочется сказать слова огромной благодарности всем нашим эпиграфистам-предшественникам. К сожалению, из тех особо ценных собранных полевых материалов – основная часть, находятся до сих пор в архивах в неопубликованном виде и ждут своих исследователей (правда, следует отметить, не все экспедиционные материалы выполнены на должном уровне, т.е. не доведены до желаемого логического конца и, поэтому, многие из них не дают полную информацию о лапидарном наследии (об этом подробнее будет сказано ниже). Время летит неумолимо быстро и эту работу необходимо делать оперативно, качественно – соответствующим по всем специфическим критериям научной практики. В этом деле прикладная часть должна стоять во главе угла. Без точного закрепления носителя информации (качественной фотографии) не может быть и никакого дальнейшего аналитического анализа эпиграфических памятников.

Здесь хочется сделать акцент об уровне качества выполняемых работ. Это напрямую касается нас, а также, и предшественников: в этом деле необходим «взаимоконтроль» и критический подход для своевременного исправления своих же недочетов и недостатков, для совершенствования общего дела.

До сегодняшнего времени, взятых на учет кабрташей (включая фрагментарные эпитафийные обломки) насчитывается более 400, а по словам Ф. Хакимзянова – около 600). Следует заметить, в этот список не входят золотоордынские эпиграфические памятники Хорезма, Нижнего Поволжья, Крыма и других бывших «татарских территорий».

По логике, на территории Улуса Джучи самое большое количество кабрташей, несомненно, было создано в Ургенче, или в столичном городе Сарай-Берке, чаще всего из привозных материалов: мрамора, известняка, песчаника и керамики. К сожалению, многое из того наследия не дошло до наших времен, т.к. оно было использовано как строительный материал [12, с.496]. По причине исчезновения большей части этих объектов, некоторыми специалистами (например, археологами) отрицался сам факт существования тюрко-татарской эпиграфики за пределами Волжской Булгарии.

Вопрос: Откуда же и когда начинается традиция установления надмогильных эпитафийных надписей? Как известно, обычаи установления памятных знаков на могилах предков существует у всех древних народов с языческих времен, в том числе, и у тюрков с руническими надписями стелы (*тораташ*) или каменные изваяния (*балбал, сынташ*), олицетворяющие культ предков.

Например, всемирно известный надмогильный мемориальный комплекс VIII в. кагана Бильге и его брата Кюль-Тегина выявленный русским ученым Н. М. Ядринцевым в 1889 г. Надписи дешифрованы в 1893 г. датским лингвистом В. Томсенем, впервые прочитаны в 1894 г. В. В. Радловым. URL (<https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/kultura/kyul-tegina-stela>) (дата обращения: 14.01.2025).

До расширения влияния ислама в степных просторах Дешт-и-Кипчака получило распространение установка «каменных баб» (*сынташ*) на могилах предков, а после включения в ареал мусульманской цивилизации эти отголоски изображений скульптурных фигур приобретают скрытые антропоморфные очертания, в виде условного изображения (например, наподобие *башказык, ташбилге или башбата* [14, с.368].

С принятием мусульманской религии у большинства тюркских народов начинают воздвигать надмогильные памятники уже с арабографическими текстами со строгим соблюдением исламских правил. (Некоторые балбалообразные надмогильные памятники (*сын ташы, кабер ташы, мазар ташы, гур ташы*) времен тенгрианства, уже в дальнейшем, приобретают скрытый антропоморфный внешний вид). Очевидно, изначально эта традиция пришла в Поволжье из Аравийского полуострова через Аббасидский халифат, в первую очередь, через территорию Караханидского и Саманидского государств, далее через Ургенч.

Кроме вышеуказанного, не исключаются и другие исходные направления маршрутов прямого культурного влияния на периферийные регионы, в частности, на Среднее Поволжье. Это воздействие очень сильно проявляется с приходом войск Батухана [2, с.99-119].

Видимо, Среднеазиатские (в частности, хорезмийские) мастера сыграли большую роль в возведении многих памятников (в том числе, эпитафийных) времен хана Узбека в городах Поволжья.

В рассматриваемый нами период истории, после 1240 г. после ожесточенной борьбы Волжская Булгария была подчинена Улусу Джучи, первой столицей которого (в XIII в.), политическим и торгово-ремесленным центром был город Булгар. Булгарские правители расширяли свое влияние главным образом в районах рек Вятка и Кама. Во 2-й половине XIII-XIV вв. основное население переселилось из Закамья в Предкамье. Внутри Волжской Булгарии выделились Казанское, Булгарское, Жукотинское и другие княжества. Как известно из истории, на территории Золотой Орды, включая Булгарский вилайт, существовало более сотни городов. Это государство представляло из себя симбиоз оседлых (городских) и кочевых культур, где мирно уживались различные религии, народы и племена. Наличие сохранившихся эпитафических памятников подтверждают факт, о том, что этот регион, по существу, был самым северным высокоразвитым государственным образованием во всей мусульманской цивилизации.

В связи с развитием строительного дела: (кирпичного – среднеазиатского, каменного – крымско-закавказского и деревянного – местного) получает широкое распространение и изготовление и установка массивных надмогильных памятников, в первую очередь, среди высшего сословия и зажиточного населения [21, с.128]. Следует сказать, общее оформление булгаро-татарских эпитафических памятников создавались в рамках общепринятых мусульманских установок связанных непосредственно с книжным искусством, с архитектурой, с ювелирным делом и т.д. То есть, булгаро-татарские эпитафические памятники являются не только архивными документами, но и произведениями творчества, где синтезируются различные виды изобразительных искусств. По существу, внешний облик надмогильных стел напоминали рельефную декорировку фрагментов архитектуры Крыма, Закавказья или классические образцы убранства Среднеазиатских культовых сооружений, но исполненных в однотонном монохромном варианте из серого известняка.

Содержание текстов эпитафий говорят о том, что в изготовлении кабрташей участвовали не только местные мастера резчики по камню из Булгарского вилаята, но и приезжие каллиграфы-катибы из Средней Азии (Ургенча, Бухары, Самарканда, ...), Нижнего Поволжья (Сарай Бэркэ), Крыма (Солхата, ...), Закавказья (Ширвана, ...) и т. д. (Очевидно, эпитафические памятники Нижнего Поволжья более всего напоминали Ургенчские или Хорезмские, наподобие булгарских (по определению Н. Ф. Калинина – эпитафии 1-го стиля). Эту версию могут доказать лишь чудом сохранившиеся археологические материалы в виде мелких фрагментарных остатков). Следует особо отметить, и о влиянии ширванских классических традиций, что требует отдельного сравнительного анализа и изучения. Существует ряд эпитафических документов, свидетельствующих о той важнейшей роли, какую играло мусульманское Закавказье в распространении ислама на территории Золотой Орды. «Золотоордынский хан Узбек, побывавший в ханака Пир Хусайна, возвратил имущество ханака, которое было разграблено во время нашествия Золотой Орды на Ширван» [23, с.248]. Как известно, в город Болгаре, сохранились эпитафии мусульманских богословов Садр ад-Дина аш-Ширвани, Махмуда ибн Исмаила аш-Шемахии, шейх Имад ад-Дина аш-Ширвани» [36, с.92–93].

«Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, – пишет известный эпитафист Г. В. Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки» [21, с.128].

В отличие от представителей власти того периода, трудовое население было в состоянии ставить лишь деревянный кол (*башказык*, *башбата*) или простой дикий камень с родовой тамгой *«ташбилге»*.

В то время в Золотоордынском государстве, в частности, в Булгарском вилайете продолжало существовать два самостоятельных тюркских языка: международный смешанный кыпчакско-огузский (старо-татарский) и болгарский. В связи с подъемом экономики получает дальнейшее развитие письменно-деловые и литературные функции этих языков. Естественно, в пределах этого государства для распространения и развития наддиалектной формы языка общетюркского (кыпчакского), по понятным причинам, было больше возможностей, а болгарский продолжал существовать, параллельно, лишь в пределах Среднего Поволжья, т.е. оба тюркских языка существовали одновременно. В течение более 100 лет пребывания Булгарской территории в составе Джучиева Улуса и вызванные с ним этно-лингвистические изменения происходят в пользу регионального койне кыпчакского языка [24, с.4].

В историографии (как отмечено было выше) впервые болгаро-татарские эпиграфические памятники были классифицированы Н. Ф. Калининым на две группы (стиля) по языковому принципу: 1) кыпчакско-огузский (общетюркского типа), 2) болгарский (*р-язык*). В период существования Улуса Джучи на территории Среднего Поволжья (т.е. в Волжской Булгарии) функционировали несколько основных языков, назовем некоторые из них: арабский (язык науки), персидский (язык литературы), кыпчакско-огузский и местный болгарский язык с различными диалектическими особенностями. По сохранившимся из Средне-волжского эпиграфического наследия 70% памятников составляют язык болгар на городском койне, 15% старотатарский (поволжско-тюркский) и 15% арабский. В данное время, четких представлений о болгарском языке у языковедов не имеется, т.к. кроме, текстов эпиграфических памятников, других письменных артефактов не выявлены. И поэтому, иногда, появляются определенные сомнения о болгарском происхождении некоторых представителей литературы, в частности поэта Кул Гали. Вполне вероятно, он родился, учился и создавал свои художественные произведения на территории Средней Азии (например, в Хорезме), в окружении общетюркских мусульманских культурных традиций. Но, однако, не исключается вариант связанный со Средним Поволжьем и с ее письменной культурой. Так как, очевидно, еще до «монгольского нашествия» в Булгарском государстве наряду с арабским, персидским и болгарским широко употреблялся старо-татарский язык. Одним из доказательств этому являются сообщения Рычкова, о существовании памятника 1173 года из Биляра (т.е., датированного еще с периодом «до татаро-монгольского ига»? очевидно, этот памятник был написан на арабском и «старотатарском» языках, т.к. они точно прочитали дату, если бы текст был написан на болгарском языке, они не смогли бы определить время создания эпитафия, так как, на «*р-язык*» дата всегда указывалась не цифрами, а, непонятными словами для представителей литературного тюркского языка кыпчакско-огузского типа), а также, по сведениям Г. Ахмарова – факт наличия «в с. Ямбухтино Тетюшского района на пороге сельской церкви вырезанная «красивая надпись сульсом» на поверхности камня на татарском языке [36, с.46.]:

۶۴۲ یاشندا عدد تاریخ التي یوز قرق ایکی ده ۸۴ الدندا

Есть очень большая вероятность в достоверности приведенных вышеуказанных слов, т.к. разборчивые надписи на старо-татарском языке не вызывает никаких затруднений или каких-либо сомнений. Если бы, они были выполнены на болгарском языке, то они не смогли бы разобраться в этих текстах. Кроме этого, до Х. Фаизханова духовные деятели из татар осведомленные о тюркских письменных традициях не могли читать смысл слов написанных на непонятном им (болгарском) языке. Из вышесказанных слов, становится очевидным то что, задолго до образования Золотой Орды в Среднем Поволжье существовала местная письменная традиция не только на старо-татарском, но вероятно и на болгарском языке. Видимо, до 1236 года в этом государстве центром по изготовлению надмогильных камней являлся столичный город Биляр, а также и другие города менее значимые – Болгар, Джукетау и т.п., включая Казань до Джучиевского периода и после. Так как, в последующие века Казань стремительно застраивалась превращаясь в крупный промышленный центр, при этом теряя древние строения и памятники, в виде использования надмогильных плит как строительный материал и, поэтому, мало что осталось от них.

Вопрос: Конкретно где и кем создавались высокохудожественные эпиграфические памятники?

Имён мастеров резьбы по камню золотоордынского времени не сохранилось, за исключением болгарского ювелира Шахидуллы бин Муса и солхатского строителя-архитектора Махмуда бин Гусман, которые, очевидно, также занимались изготовлением надмогильных стел. (Хаттаты, по какой то причине, не считали нужным оставлять свои автографы, хотя, нам известны десятки имен Среднеазиатских или Закавказских мастеров-резчиков каллиграфов-художников). В то время работала целая династия нам неизвестных каллиграфов. Среди резчиков были как приезжие хаттаты, например, (в первую очередь) из Средней Азии, Крыма, Ширвана и т.д., так и местные мастера, получившие образование в различных исламских центрах.

По нашему мнению, в ту эпоху в Золотоордынских городах были созданы свои самостоятельные школы камнерезного искусства со своими сложившимися традициями изготовления и декорирования эпиграфических стел, с определенными правилами и установками, без особых региональных отличий (если, конечно, не учитывать языковые различия или индивидуальные особенности авторов резчиков), которые всячески содействовали созданию исламской культуры единого облика. Кроме этого, в некоторых местах жили и работали провинциальные мастера (видимо, из числа катибов или грамотных ювелиров), которые выполняли менее скромные заказы из тех материалов, что было под рукой (например, кирменчукские, азнакаевские и т.д.). Кабрташи создавались на основе синтеза различных искусств. Но, однако, (по мнению автора) в первую очередь, они являются произведениями архитектуры малых форм, художественного творчества – резьбы по камню, каллиграфии, декоративного и ювелирного мастерства. И поэтому, изучением эпиграфических памятников, прежде всего, должны заниматься художники-искусствоведы.

В ходе анализа научных публикаций по кабрташам нами для себя сделаны некоторые выводы для дальнейших исследований. В наше время, необходимо вести работу по эпиграфике целенаправленно, системно, методично, комплексно, опираясь на образцовые труды наших ученых (например, некоторые статьи Х. Фейезханова [31, с.396-404], доводя работу до логического завершения, с тем, чтобы вслед за нами идущим эпиграфистам оставалось как можно меньше работы по качественной фотофиксации и полноценному документированию.

Вся работа по сбору и научной систематизации материалов по эпиграфике требует оперативности. Нам в этом деле медлить не коим образом нельзя. Эти рекомендации и замечания мы воспринимаем не иначе как нормальный рабочий процесс. Ведь, эти произведения искусства и каменные архивные документы, с каждым днем разрушаясь, исчезают безвозвратно. И по этой причине прикладная часть остается в приоритете.

Как некоторые ошибочно думают, что древние или старинные татарские кабрташи, якобы, уже все зафиксированы. Но, однако, это не так. До сих пор обнаруживаются «новые» неизвестные науке эпитафии, это во-первых. Во-вторых многие фотодокументы и эстампажи не имеют соответствующего качества.

Принимая во внимание особенности проблем графологического анализа кабрташей, следует сказать и то, что для полного и правильного прочтения «запутанных» текстов и плохо сохранившихся надписей, не поддающихся осмысленному чтению, необходимо задействовать не только людей с художественным образованием, но и специалистов в области текстологии, филологии, археографии, ведь такая работа требует коллективных усилий. По сути, без правильного чтения любого эпиграфического памятника нет возможности выполнения ясной и четкой прорисовки. Вопрос: А для чего нужна здесь прорисовка? Ответ: Всё здесь взаимосвязано, именно при выполнении прорисовки производится палеографический анализ, в результате чего, достигается точное или более приемлемое чтение (расшифровка) текста и таким образом осуществляется реконструкция плохо сохранившихся букв или изображений.

Хочется сказать в напутствие молодым, перед татарскими эпиграфистами стоят следующие первоочередные цели: в максимальном количестве успеть зафиксировать на

должном научном уровне наиболее значимые сохранившиеся арабографические надмогильные памятники, пока они, не исчезли совсем. Время летит неумолимо, быстро – надо успеть привести это все в определенный порядок (эта вполне осуществимая задача).

Словом, автор этой статьи не в состоянии дать полную лингвистическую характеристику болгаро-татарским эпиграфическим памятникам ввиду малой компетентности в этой области. Цель всей нашей научной работы – это учет имеющихся памятников в виде фотодокументов с прорисовками, полная их публикация, палеографический анализ, чтение и перевод.

Необходимо отметить, в процессе изучения древних надмогильных камней мы допускаем повторяющиеся из поколения в поколение одни и те же ошибки: начинаем конкретную работу, и не завершаем исследование до логического конца. Надобно нам вести дело таким образом, чтобы после нас не оставалось кому-то доделывать – это, в идеале, но надо стремиться к этому. Наши главные недостатки в этом деле, относящейся к прикладной науке (перечислим их):

1) как известно, главным носителем информации об объекте является хорошо выполненная качественная фотосъемка со всех сторон, где имеется полноценная графическая информация о кабрташе с читабельным текстом; в эпиграфике игнорирование качественных фотографий, эстампов, оттисков недопустимо, так как, это все противоречит обязательным требованиям и элементарным методам научной работы; т.е. изобразительная составляющая является в этом деле превалирующей, а все остальное – дополняющей; (как известно – 80 % процентов информации человек получает через зрительные органы;

2) предлагать читателям текст чтения (транслитерацию, транскрипцию) без корпуса, т.е. без фотографий эпиграфических памятников, нас – исследователей совершенно не устраивает, так как, составление каталогов и реестров, без надлежащего качества графических изображений надмогильных стел, (мы сами не замечая этого) навязываем свои варианты прочтения эпитафий как непререкаемая истина и не оставляем возможность читателям проверять правильность содержаний предлагаемых лапидарных текстов; например, некоторые сомнительные варианты имен на эпитафиях, таких как: *Хаккау хафиз*, *Абыз Риким*, *Бужуныл*, *Аккуждад*, *Шусак*, *Баширана*,... нас не удовлетворяют; и тому подобные случаи транскрипции не вызывают доверия, так как, эти слова (в данном случае – имена) воспринимаются нами как «чужие», они должны звучать или по арабски, или на фарси, или по тюркски! Могут быть упрощенно-сокращенные варианты – *Жалэй* (*Жалыледдин*), *Мэмэткол* (*Мөхәммәдкол*) и т.д. Да, иногда могут встречаться искаженные (вместо, *Зөбәйдә* – *Сөбәйтә* (سُبَيْتَة)) но, это в редких случаях.

Что же является главным при чтении эпитафий (при выполнении транскрипции с элементами транслитерации)?

Ответ: Правильное выполнение транскрипции с элементами транслитерации текста: написание имен, тахаллусов, топонимов, социального статуса и т.д. Неточное и неправильное прочтение основной части эпитафия является главным нашим недостатком.

Кроме этого, в процессе коллективной работы часто приходится корректировать, дешифровать запутанные и поврежденные слова или иногда есть необходимость выполнения частичной или полной графической реконструкции;

2. Знакомство с архивными материалами по эпиграфике, хранящихся в фондах С. Е. Малова, Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова, А. Б. Булатова и др.;

есть потребность выведения в научный оборот весь «арсенал» богатога архивного изобразительного материала (фотографии, эстампажи, оттиски) наших предшественников; по неизвестным нам причинам, многие сохранившиеся в архивах эстампажи не представляют завершенный тушированный вид. Следует сказать, при снятии копий многие эстампажи выполненные предшествующими, по понятным причинам, в виду плохой сохранности древних эпиграфических памятников, не доведены до конкретики, т.е. нет ясного палеографического анализа.

Из вышесказанного мы для себя делаем вывод: в деле изучения эпитафических памятников упомянутые требования нам следует впредь знать, не забывать и стараться по мере возможности не допускать повторения предыдущих недостатков.

3. Систематизация и анализ эпитафического наследия путем составления каталогов по хронологическому, географическому, типологическому, палеографическому, языковому принципам [20, с.132].

4. Издание книг с качественной печатью и с обязательным наличием иллюстративного материала (фотографии, прорисовки, эстампажи, оттиски и т.д.). Здесь, следует особо отметить как образцовый сборник: монографию [МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов]. Свод иллюстративных материалов снабжены качественными фотоснимками, схемами, чертежами, рисунками участников научной экспедиции и переводами текстов О.Н.-А. Акчокраклы.

5. Составление каталогов в электронном варианте (размещение материалов, например, в различных сайтах), или 3D моделирование, которое позволяет видеть детали до долей миллиметра и тем самым дает возможность частичной или полной реконструкции эпитафия. Есть уверенность в том, что в будущем будут созданы копии особо значимых каллиграфических композиций (в частности, эпитафические памятники I стиля – где надписи, исполнены рельефным шрифтом сульс). Следует добавить вышесказанному: Наука движется вперед семимильными шагами, появляются новые технологии и возможности для фиксации эпитафийных памятников, но, однако, не нужно списывать со счетов и старые традиционные способы документирования в виде эстампов, оттисков и прорисовок.

Нам предки оставили богатое культурное наследие. И, мы уверены в том, что в будущем книги по камнерезному искусству и каллиграфии, посвященные работам болгаро-татарских мастеров, будут востребованы среди специалистов и широкого круга читателей.

Список литературы:

1. Алиева К.М. Художественное оформление средневековой азербайджанской рукописной книги и ее влияние на другие виды искусства // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17 – 18 апреля 2008 г.). – Казань, 2009. – С. 392.
2. Ахметзянов М.И. О судьбе болгарского языка (по материалам эпитафики / Источник: журнал Татарская археология. 1998, № 1 (2). С. 99-119. – <http://tataroved.ru>).
3. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). Москва: Издательство «Наука», 1987. – С. 248.
4. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша: очерк. Чебоксары: Чуваш. Кн. изд-во, 2017. – С. 143.
5. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020. – С. 7.
6. Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Таткнигоиздат, 1984. – С.71.
7. Валеев Ф.Х. Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.): истоки и традиции: монография / Ф.Х. Валеев [научн. Ред. и авт. Предисл. Г.Ф. Валеева-Сулейманова]. Казань: Татар. Кн. изд-во, 2020, – 219 с.: ил. – С.116.
8. Гариф Н.Г. Болгар татар ташъязмалары / Булгаро-татарские надгробные камни – Казан: «Иман» нәшрияты, 2012. 308 б.
9. Гарустович Г. Н., Нечвалода А. И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология) / Геннадий Гарустович, Алексей Нечвалода. Уфа: Китап, 2020. С. 400: ил.
10. Дәүләтшин Г.М. Алтын Урта дүрә: тарих һәм мәдәният / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Г.М. Дәүләтшин]. – Казан: Татар. Кит. нәшр., 2021 – 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар / [төз. Нәһди мөх. Г.М. Дәүләтшин]. – Үзгәрт. 2 нче басма. – Казан: Татар. Кит. Нәшр., 2021. – 423 б., рәс. б-н. – Б. 246.

11. Духовное наследие: поиски и открытия / под ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2017. Вып. 4. – С. 280.
12. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: ИНСАН, 2003. – С. 496.
13. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. – С. 240.
14. 2021 – Красильников К.И., Апареева Е.К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов Степного Подонцовья / Институт археологии Академии наук Республики Татарстан; (отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин). Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 368: илл.
15. Малов С.Е. Булгарские и татарские эпитафические памятники // Эпитафика Востока. М.- Л., 1947. Вып. I. – С. 38-45.
16. Малов С. Е. Булгарская и татарская эпитафика // ЭВ. М.-Л., 1948. Вып. II. – С. 41–48.
17. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. ООО «Астер Плюс», 2016, – 580 с.
18. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 2. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. ООО «Издат-Принт», 2016, – 572 с.
19. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 3. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. ООО «Астер Плюс», 2017, – 720 с.
20. Мухаметшин Д.Г. Татарские эпитафические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 132. илл.).
21. Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпитафические памятники города Булгара. Казань. Казань, 1987. – С. 128.
22. Настич В.Н. Мусульманская эпитафика Ферганы и Семиречья: Памятники арабского письма XI-XVII вв. на территории Кыргызстана. Исторические исследования. СПб. РГПУ 2019г. 434 с.
23. Неймат М. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. Т. 1: Арабо-персоязычные надписи Баку и Апшерона 11- начала 20 века. Баку: Элм, 1991. – С. 248.
24. Нуриева Ф.Ш. Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 464 + 4 с. цв. вкл.
25. Рахим А. Татарские эпитафические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. Т. I.– С. 145-172.
26. Татарская эпитафическая традиция. Т. 1: Булгарские эпитафические памятники XIII-XIV вв. Кн. 1. / Авт. сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. – С. 160.
27. Татар ташъязма ядкэрлэре. Чистай шәһәрнен Беренче Татар зираты эпитафик материаллары / Д.Г. Мөхәммәтшин, Р.Г. Насыйров; жав. мөх. А.Г. Ситдыйков, А.В. Сиренов. Казан: “Фән” нәшрияте, 2023. 282 б., ил.; Электрон каталог: 468 б. (“Татар ташъязма ядкэрлэре” сериясе; 1 чыг.).
28. Трєпавлов В.В. История Ногайской Орды. 4-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2024, – 1048 с.
29. Усманов В.М. Эпитафика Золотой Орды / Олуг Олус ташъязмалары 1280-1445 еллар арасы. Унжиденче китап. Казан, 2023. б. 500: рәс. белән).
30. Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности [монография] / Моск. ислам. ин-т.; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова; науч. ред., авт. вступ. ст., коммент. Д.М. Усманова. Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление». М.: ИД «Медина», 2023. – С. 352: ил.

31. Фейезханов Х. Три надгробных болгарских надписи. Известие Археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. – С. 396-404.
32. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий Волжских Булгар. М.: Наука, 1978. – С. 206.
33. Халит Н. Татарские дворцовые комплексы XV – XVI вв.: Некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17 –18 апреля 2008 г.). Казань, 2009. – С. 392).
34. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. Москва, изд. «Наука», 1984. – С. 464.
35. Эпитафии мусульманских ученых Самарканда (X-XIV вв.) = Epitaphs of Muslim scholars in Samarkand: 10th-14th centuries / edited by Bakhtiyar Babadjanov... [et al]; project director Halit Eren.- Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2019.
36. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М. – Л., 1960 – С.92–93.

